

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ
ДЕЛО «ДУБРОВИНА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»
(Жалоба № 31333/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СТРАСБУРГ

25 февраля 2020 года

Настоящее постановление вступило в силу,
но может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Дубровина и другие против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Комитетом, в состав которого вошли:

Паулу Пинту де Альбукерке, *Председатель*,

Хелен Келлер,

Мария Элосеги, *судьи*, и Стефен Филлипс,

Секретарь Секции,

Проведя заседание за закрытыми дверями 28 января 2020 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 31333/07), поданной в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») четырьмя гражданками России: Мариной Алексеевной Дубровиной (далее — «первый заявитель»), Вадимом Евгеньевичем Карастелевым (далее — «второй заявитель»), Тамарой Викторовной Карастелевой (далее — «третий заявитель») и Владимиром Федоровичем Пьянковым (далее — «четвертый заявитель», далее совместно именуемые «заявители») 11 июля 2007 года.

2. Интересы заявителей в Суде представляли адвокаты из двух неправительственных организаций — Правозащитный центр «Мемориал», расположенный в г. Москве, и Европейский центр защиты прав человека (далее — «ЕНРАС»), расположенный в Лондоне. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») изначально представлял Г. Матюшкин, бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник на этом посту М. Гальперин и А. Федоров, руководитель Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. 3 декабря 2011 года третий заявитель Карастелева умерла. Ее супруг, который также является вторым заявителем в настоящем деле, изъявил желание продолжить участие в разбирательстве вместо нее. Впоследствии ее сын Дмитрий Карастелев изъявил желание продолжить участие в рассмотрении жалобы от ее имени, и второй заявитель отозвал свое ходатайство.

4. 29 сентября 2016 года Власти были уведомлены о жалобах на предполагаемое нарушение права заявителей на свободу мирных собраний, а остальная часть жалобы была признана неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители, 1965, 1965, 1967 и 1948 годов рождения соответственно, в период рассматриваемых событий проживали в г. Новороссийске.

6. Заявители, которые являлись правозащитниками, с 2003 года участвовали в работе благотворительной и правозащитной организации «ФРОДО» в Краснодарском крае. Ее цель заключалась в борьбе с нетерпимостью и дискриминацией этнических меньшинств в Краснодарском крае. Одним из ключевых направлений ее деятельности была организация матчей «толерантный футбол» с участием детей, принадлежащих к разным этническим группам, в г. Новороссийске.

7. В 2006 году второй заявитель получил электронное письмо от С.Г., бывшего гражданина России, проживающего в Германии. Он выразил заинтересованность в концепции «толерантный футбол» и желание встретиться со вторым заявителем для ее обсуждения. Они встретились в 11:00 23 января 2007 года в местной художественной школе (далее — «художественная школа»), поскольку ее директор В.С. являлся членом организации «ФРОДО» с момента ее основания, и так как у «ФРОДО» не было собственного офиса, он предложил использовать помещение школы для проведения встречи. На встрече присутствовали шесть членов организации «ФРОДО» (в том числе заявители), С. Г. и Р. К. из Германии, переводчик и три студента университета. Всего на встрече было двенадцать участников.

8. Около 13:00 в зал собраний вошло около пятнадцати сотрудников милиции и миграционной службы. Они обнаружили, что участники встречи пили чай с тортом. По словам заявителей, здание школы было окружено еще двадцатью вооруженными сотрудниками милиции, но Власти оспорили эту информацию как неподтвержденную. Сотрудники милиции попросили присутствующих в комнате показать удостоверяющие личность документы, что они и сделали. Сотрудники милиции потребовали объяснения причин собрания, но члены «Фродо» отказались называть их, поскольку им не было предъявлено никаких обвинений.

9. Сотрудники милиции оставались в зале заседаний до прибытия сотрудников Департамента культуры и Отдела взаимодействия с общественными организациями и мониторинга миграции Новороссийска. Должностные лица попросили участников собрания покинуть помещение, поскольку в Департамент культуры не подавалось уведомление о проведении общественного мероприятия. Участники отказались сделать это на том основании, что их собрание не было публичным и поэтому не требовало уведомления. Через несколько минут директор художественной школы сообщил участникам собрания, что в кабинете скоро начнется урок, и они ушли.

10. 30 января 2007 года мировой судья судебного участка № 81 Центрального района г. Новороссийска рассмотрела административное дело в отношении первого заявителя. Она постановила, что встреча в художественной школе являлась собранием, т.е. публичным мероприятием, проводимым с целью высказывания мнений по различным вопросам. Следовательно, организатор должен был уведомить о нем краевые органы власти. Мировой судья признала первого заявителя виновной в участии в несанкционированном публичном мероприятии в соответствии с частью 2 статьи 20.2 КоАП и назначила ей наказание в виде штрафа в размере 500 рублей. 12 марта 2007 года Октябрьский районный суд г. Новороссийска оставил это постановление без изменений.

11. 2 февраля 2007 года мировой судья судебного участка № 81 Центрального района г. Новороссийска рассмотрела административные дела в отношении второго и третьего заявителей. Она постановила, что они организовали публичное мероприятие, а именно собрание с десятью участниками, не уведомив об этом краевые органы власти. Мировой судья признала заявителей виновными по части 2 статьи 20.2 КоАП и назначила каждому из них наказание в виде штрафа в размере 2 000 рублей. 20 февраля и 2 марта 2007 года Октябрьский районный суд г. Новороссийска рассмотрел апелляционные жалобы, поданные вторым и третьим заявителями соответственно в том числе на том основании, что собрание носило частный характер. Он поддержал вывод суда первой инстанции о том, что собрание, проведенное 23 января 2007 года, было публичным мероприятием, которое требовало уведомления властей, но изменил квалификацию правонарушения как подпадающее под действие части 1 статьи 20.2 КоАП, и уменьшил сумму штрафов до 1 000 рублей в отношении второго заявителя и до 1 500 рублей в отношении третьего заявителя.

12. 9 февраля 2007 года мировой судья судебного участка

№ 81 Центрального района г. Новороссийска рассмотрела административное дело в отношении четвертого заявителя. Как и в предыдущих делах, мировой судья отклонила утверждения о том, что собрание носило частный характер. Она признала четвертого заявителя виновным в участии в несанкционированном публичном мероприятии в соответствии с частью 2 статьи 20.2 КоАП и назначила ему наказание в виде штрафа в размере 1 000 рублей. 2 марта 2007 года Октябрьский районный суд г. Новороссийска оставил это постановление без изменений по апелляции.

13. В неустановленный день первый заместитель Прокурора Краснодарского края подал ходатайство о пересмотре административного дела в отношении второго, третьего и четвертого заявителей в порядке надзора.

14. 9 июля 2007 года исполняющий обязанности Председателя Краснодарского краевого суда рассмотрел административное дело в отношении четвертого заявителя в порядке надзора. Он оставил постановление от 9 февраля 2007 года и апелляционное решение от 2 марта 2007 года без изменений, сочтя их законными и обоснованными.

15. 3 августа 2007 года заместитель Председателя Краснодарского краевого суда рассмотрел дела в отношении второго и третьего заявителей в порядке надзора и отменил постановление от 2 февраля 2007 года и решения от 20 февраля и 2 марта 2007 года на том основании, что статья 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» не предусматривала обязательство по уведомлению о проведении собраний. Их административные дела были возвращены в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

16. 12 и 14 сентября 2007 года соответственно мировой судья судебного участка № 80 Центрального района г. Новороссийска рассмотрел административные дела в отношении второго и третьего заявителей. Он прекратил производство по административным делам обоих заявителей на том основании, что собрание было проведено в надлежащем месте, т.е. в «специально отведенном или обустроенном месте» в соответствии со статьей 2 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и не требовало уведомления, в соответствии со статьей 7 этого Закона.

17. Второй и третий заявители подали против Администрации города Новороссийска и Министерства финансов Российской Федерации иск о компенсации вреда. Они утверждали, что вмешательство милиции в их частное собрание носило незаконный и запугивающий характер и сорвало их собрание, что их последующее осуждение за административные правонарушения было незаконным, и что, несмотря на прекращение производства по административному делу, им не были возмещены суммы административных штрафов и судебных издержек, которые они понесли в ходе этого разбирательства.

18. 25 декабря 2007 года Октябрьский районный суд г. Новороссийска отказал в удовлетворении иска второго и третьего заявителей о возмещении вреда. Суд установил, что милиция действовала законно и в рамках своих полномочий для проверки сообщения о несанкционированном проникновении в здание школы и что в соответствии с директивами местной администрации и в целях борьбы с терроризмом школы должны были уведомлять власти о любых планируемых мероприятиях. Суд установил, что заявители не были арестованы или выведены из помещения и, более того, они могли продолжить свою встречу в другом месте. Поэтому в результате милицейской проверки им не было причинено никакого ущерба. Что касается штрафов, то суд установил, что они были отменены предыдущим судебным решением, которое не подлежало пересмотру в этом суде, и поэтому он не нашел оснований для присуждения возмещения судебных издержек, понесенных заявителями в рамках прекращенного административного судопроизводства.

19 февраля 2008 года Краснодарский краевой суд оставил это постановление без изменений по апелляции.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

19. Соответствующие положения КоАП РФ от 30 декабря 2001 года, действовавшие в период рассматриваемых событий, гласили:

Статья 20.2 Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования

«1. Нарушение установленного порядка организации публичных собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования влечет наложение административного штрафа в размере от десяти до двадцати размеров минимальной заработной платы, подлежащего уплате организаторами.

2. Нарушение установленного порядка организации публичных собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования влечет наложение административного штрафа в размере от десяти до двадцати размеров минимальной заработной платы, подлежащего уплате организаторами

и в размере от пяти до десяти размеров минимальной заработной платы, подлежащего уплате участниками...»

20. Соответствующие положения Закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» изложены в постановлении Большой Палаты от 15 ноября 2018 года по делу «Навальный против России» (*Navalnyy v. Russia*) (жалоба № 29580/12 и 4 другие жалобы, пункт 45) и в делах, указанных в пункте 43 настоящего постановления. Положения, имеющие непосредственное отношение к настоящему делу, гласят.

Статья 2 Основные понятия

1. Публичное мероприятие — открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений, в том числе [событий], проводимых с использованием транспортных средств. Целью публичного мероприятия является свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни в стране, а также вопросам внешней политики. ...

2. Собрание — совместное присутствие граждан в специально отведенном или приспособленном для этого месте для коллективного обсуждения каких-либо общественно значимых вопросов...»

Статья 7 Уведомление о проведении публичного мероприятия

«Уведомление о проведении публичного мероприятия (за исключением собрания и пикетирования, проводимого одиночным участником) должно быть подано в письменной форме его организатором с органом исполнительной власти или органом местного самоуправления... в срок не ранее пятнадцати дней и не позднее десяти дней до даты проведения публичного мероприятия...»

Статья 8 Места для проведения публичных мероприятий

«1. Публичное мероприятие может проводиться в любых пригодных для целей данного мероприятия местах в случае, если его проведение не создает угрозы обрушения зданий или иной угрозы безопасности участников данного публичного мероприятия. Доступ участников к некоторым местам может быть запрещен или ограничен в случае обстоятельств, указанных федеральным законодательством».

ПРАВО

I. ПРАВО ОБРАЩЕНИЯ В СУД

21. Суд отмечает, что третий заявитель, Карастелева, умерла и что ее сын, Дмитрий Карастелев, изъявил желание продолжить участие в рассмотрении ее жалобы.

22. Власти утверждали, что сын третьего заявителя не может утверждать о том, что он является жертвой нарушения прав его матери, гарантированных статьей 11 Конвенции, поскольку эти права передаче не подлежат.

23. Суд напоминает, что если заявитель умирает в ходе рассмотрения дела, то его преемники в принципе могут добиваться рассмотрения жалобы от его имени (см. постановление Суда по делу «Йечюс против Литвы» (*Ječius v. Lithuania*), жалоба № 34578/97, пункт 41, ECHR 2000-IX). В ряде дел, в которых заявитель умер в ходе разбирательства, Суд принимал во внимание заявления наследников заявителя или членов его семьи, которые изъявляли желание продолжить рассмотрение дела в Суде (см., например, постановление Большой Палаты по делу «Далбан против Румынии» (*Dalban v. Romania*), жалоба № 28114/95, пункт 39, ECHR 1999-VI; постановление Суда от 17 июля 2007 года по делу «Ханбаят против Турции» (*Hanbayat v. Turkey*), жалоба № 18378/02, пункты 19-21; и постановление Большой Палаты по делу «Яновец и другие против России» (*Janowiec and Others v. Russia*), жалобы №№ 55508/07 и 29520/09, пункты 97-101, ECHR 2013). Кроме того, суд признал право родственников умершего заявителя добиваться рассмотрения жалобы на нарушение права на свободу собраний (см. постановление Суда от 17 января 2012 года по делу «Сердахейи против Венгрии» (*Szerdahelyi v. Hungary*), жалоба № 30385/07, пункты 19-22), и постановление Суда от 20 февраля 2014 года по делу «Носов и другие против России» (*Nosov and Others v. Russia*), жалобы №№ 9117/04 и 10441/04, пункты 28-30).

24. В настоящем деле потенциальный наследник представил документы, подтверждающие, что он является близким родственником и наследником третьего заявителя. При таких обстоятельствах, Суд считает, что он имеет законный интерес в рассмотрении жалобы вместо его умершей матери.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

25. Ссылаясь на статью 11 Конвенции, заявители жаловались на то, что срыв властями их собрания 23 января 2007 года и их последующее осуждение в рамках административного судопроизводства представляли собой незаконное вмешательство в их свободу мирных собраний, которое не преследовало законную цель и не было соразмерным заявленным целям. Статья 11 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов Государства».

A. Приемлемость жалобы

1. Доводы сторон

26. Власти настаивали на том, что жалоба является явно необоснованной. Что касается вмешательства в их собрание милиции, то они указали, что участники этого мероприятия не были арестованы и что собрание не было разогнано. Таким образом, действия милиции не представляли собой вмешательство в право заявителей на свободу собраний.

27. Что касается административных санкций, наложенных на заявителей за несоблюдение порядка уведомления органов власти о публичном мероприятии, то они утверждали, что судебные решения в отношении второго и третьего заявителей были отменены в результате их пересмотра в порядке надзора и, следовательно, этот вопрос может считаться разрешенным по смыслу подпункта «b» пункта 1 статьи 37 Конвенции. В качестве альтернативы Власти утверждали, что второй и третий заявители утратили статус жертвы. Более того, они утверждали, что эти два заявителя злоупотребили правом на подачу жалобы, не сообщив Суду о пересмотре дел в порядке надзора и последующих исках, которые представляют собой важные новые события.

28. Ссылаясь на вышеупомянутый пересмотр дел в порядке надзора, Власти утверждали, что, не воспользовавшись этим средством правовой защиты, первый и четвертый заявители не выполнили требование об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты.

29. Заявители настаивали на своих жалобах. Они оспаривали утверждение Властей о том, что пересмотр дела в порядке надзора являлся эффективным средством правовой защиты для второго и третьего заявителей, поскольку прекращение административного судопроизводства в их отношении не обеспечило компенсации за неправомерные действия. Заявители не получили компенсацию штрафов или возмещение судебных издержек в результате пересмотра дела в порядке надзора. Более того, их иск о компенсации был оставлен без удовлетворения. Заявители утверждали, что в любом случае пересмотр в порядке надзора не может рассматриваться как эффективное средство правовой защиты из-за его дискреционного характера и непредсказуемых результатов, о чем свидетельствуют результаты аналогичных дел. В частности, надзорный орган отклонил требования четвертого заявителя по причинам, противоположным тем, которые были рассмотрены в делах второго и третьего заявителей.

30. Заявители пришли к выводу о том, что эти события не разрешили проблему и не лишили двух заявителей статуса жертвы. Они также утверждали, что по тем же причинам ссылка Властей на предполагаемое злоупотребление правом подачи жалобы вторым и третьим заявителями и неисчерпание внутригосударственных средств правовой защиты первым и четвертым заявителями является явно необоснованной.

2. Оценка Суда

31. Суд отмечает решения об отмене приговоров, вынесенных по административным делам в отношении второго и третьего заявителей. Суд напоминает, что в контексте статей 10 и 11 оправдательный приговор или прекращение судопроизводства в отношении заявителя не может автоматически устранить последствия вмешательства в их право на свободу выражения мнения и свободу собраний и, тем самым, лишить их статуса жертвы (см. постановление Суда от 19 января 2016 года по делу «Гюльчу против Турции» (*Gülcü v. Turkey*), жалоба № 17526/10, пункт 99, и постановление Суда от 7 марта 2017 года по делу «Донер и другие против Турции» (*Doner and Others v. Turkey*), жалоба № 29994/02, пункт 89). В настоящем деле надзорный орган постановил, что, собравшись на собрании без предварительного уведомления властей, эти два заявителя не

совершили административное правонарушение. Тем не менее, он не рассмотрел жалобу на срыв собрания милицией, особенно с учетом аргументации, приводящейся в последующих судебных решениях об оставлении их исков о возмещении ущерба без удовлетворения. Поэтому, отменив приговоры, вынесенные двум заявителям в рамках административных дел, власти приняли меры в пользу заявителей, но они ни прямо, ни косвенно, не признали нарушение статьи 11 Конвенции и не предоставили компенсацию за это нарушение.

32. По этой причине нельзя считать, что второй и третий заявители утратили статус жертвы в результате пересмотра их административных дел в порядке надзора. По той же причине вопрос, поднятый в их жалобе, не может считаться решенным по смыслу подпункта «б» пункта 1 статьи 37 Конвенции.

33. Возвращаясь к утверждению Властей о злоупотреблении вторым и третьим заявителями правом на подачу жалобы, Европейский Суд признает, что пересмотр в порядке надзора и последующее разбирательство являлись важными новыми событиями в настоящем деле. Однако они не отразились на сути основной жалобы заявителей на нарушение их права на свободу собраний (см. пункты 31-32 выше). Кроме того, Суд не располагает достаточной информацией, чтобы с уверенностью установить, что заявители намеревались ввести его в заблуждение (аналогичную аргументацию см. в постановлении Суда от 12 июня 2018 года по делу «Алпеева и Джалагония против России» (*Alpeyeva and Dzhalagoniya v. Russia*), жалобы №№ 7549/09 и 33330/11, пункты 100-01, а в качестве противоположного примера см. постановление Большой Палаты по делу «Гросс против Швейцарии» (*Gross v. Switzerland*), жалоба № 67810/10, пункт 36, ECHR 2014). С учетом вышеизложенного, Суд не считает, что поведение заявителей представляло собой злоупотребление правом на подачу индивидуальной жалобы по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции.

34. Наконец, что касается утверждения Властей о том, что первый и четвертый заявители не исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты, поскольку они не подали ходатайство о пересмотре в порядке надзора, то Суд отмечает, что четвертый заявитель действительно использовал это средство правовой защиты. Однако, ходатайство о пересмотре его дела в порядке надзора было отклонено, и аргументация этого решения была противоположной той, которая была дана судом того же уровня в делах второго и третьего заявителей, в которых пересмотр привел к успеху. Принимая во внимание объем и предмет пересмотра в порядке надзора в данном деле (см. пункты 31-32 выше), а также противоречивые результаты в аналогичных делах трех заявителей, Суд не может принять утверждение Властей о том, что пересмотр в порядке надзора представлял собой эффективное средство правовой защиты, которое должно было быть исчерпано в настоящем деле (в качестве противоположного примера см. постановление Суда от 21 февраля 2017 года по делу «Орловская Искра против России» (*Orlovskaya Iskra v. Russia*), жалоба № 42911/08, пункты 69-79, в котором Суд установил, что в соответствующий период при других обстоятельствах такая жалоба могла приниматься во внимание при применении правила о шестимесячном сроке).

35. С учетом вышеизложенного, Суд отклоняет предварительные возражения Властей.

36. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данная жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалоб*1. Доводы сторон*

37. Власти Российской Федерации утверждали об отсутствии вмешательства в право заявителей на свободу собраний, поскольку собрание было прекращено не милицией, а самими заявителями, хотя они могли продолжить его в другом месте. Даже если допустить наличие вмешательства, оно было пропорциональным, поскольку сотрудники милиции не применяли силу и вели себя вежливо во время проверки.

38. Заявители утверждали, что вмешательство в их право на свободу собраний имело два аспекта: во-первых, их встреча была прекращена вмешательством милиции; во-вторых, они были обвинены в совершении административных правонарушений, приговорены к штрафам и вынуждены были понести судебные издержки в связи с разбирательством. Оба аспекта этого вмешательства были незаконными, не преследовали законную цель и не были необходимыми в демократическом обществе.

2. Оценка Суда

39. Суд напоминает, что право на свободу собраний является фундаментальным правом в демократическом обществе и, как и право на свободу выражения мнений, является одним из основ такого общества. Это право распространяется как на частные собрания, так и на собрания в публичных местах, будь то статичные собрания или процессии; кроме того, оно может осуществляться отдельными участниками и организаторами собрания (см. постановление Большой Палаты по делу «Кудревичиус и другие против Литвы» (*Kudrevicius and Others v. Lithuania*), жалоба № 37553/05, пункт 91, ECHR 2015). Поэтому независимо от того, можно ли было охарактеризовать встречу в настоящем деле как частную или публичную, она представляла собой «собрание», и, будучи, несомненно, мирным, оно подпадало под действие статьи 11 Конвенции.

40. Суд напоминает, что вмешательство в осуществление права на свободу собраний не обязательно должно представлять собой прямой юридический или фактический запрет, но может заключаться в принятии властями различных других мер (см. упоминаемое выше постановление по делу «Кудревичиус и другие против Литвы», пункт 100). Ранее он уже устанавливал, что срыв религиозного собрания, повлекший его преждевременное прекращение, является ограничением права на свободу религии (см. постановление Суда от 11 января 2007 года по делу «Кузнецов и другие против России» (*Kuznetsov and Others v. Russia*), жалоба № 184/02, пункты 59-62) и косвенно является вмешательством в право на свободу мирных собраний (там же, пункт 53). В настоящем деле заявители не могли продолжить свою небольшую неформальную встречу в присутствии большого количества сотрудников милиции, которые обвиняли их в том, что они не уведомили власти о своем собрании, и которые оставались в комнате до тех пор, пока участники встречи не покинули ее. Очевидно, что встреча была преждевременно прекращена в результате вмешательства властей, которое представляло собой «ограничение» по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции.

41. Стороны разошлись во мнениях относительно того, были ли описанные выше действия властей законными. Правовые основания, выдвинутые на момент вмешательства в собрание и в ходе последующего административного разбирательства — отсутствие уведомления в порядке, применимом к публичным мероприятиям, были впоследствии опровергнуты судом, проводившим пересмотр

дела в порядке надзора, который установил, что это требование не было применимо к рассматриваемому собранию (см. также постановление Суда от 26 июня 2014 года по делу «Крупко и другие против России» (*Krupko and Others v. Russia*), жалоба № 26587/07, пункт 55).

42. В ходе последующего гражданского судопроизводства приводились ссылки на инструкцию муниципалитета г. Новороссийска, в соответствии с которой в рамках борьбы с терроризмом директора школ должны уведомлять милицию о любых мероприятиях, проводимых в здании школы. В своих замечаниях Власти не ссылались на эту инструкцию и не представили ее текст в Суд. Очевидно, что встреча заявителей не нарушала порядок, и даже если милиция была вынуждена отреагировать на сообщение о незарегистрированном мероприятии, у сотрудников милиции не было причин оставаться в комнате, в которой проводилось собрание, после того, как они убедились в его мирном характере (там же, пункт 56).

43. Суд напоминает, что выражение «предусмотрено законом» требует не только наличия во внутригосударственном законодательстве правовых оснований для применения оспариваемой меры, но и предъявляет определенные требования к качеству такого законодательства, которое должно быть доступным для соответствующего лица и иметь предсказуемые последствия. Для того чтобы национальное законодательство соответствовало этим требованиям качества, оно должно предусматривать меры правовой защиты от произвольного вмешательства государственных органов в осуществление гарантируемых Конвенцией прав. В вопросах осуществления основных прав это будет противоречить принципу верховенства права, одного из основополагающих принципов демократического общества, закрепленного в Конвенции, если законная свобода действий, предоставленная органам исполнительной власти, выражена в неограниченных полномочиях. Следовательно, закон должен с достаточной ясностью устанавливать пределы такой свободы усмотрения и способ ее осуществления (см. постановление Большой Палаты от 15 ноября 2018 года по делу «Навальный против России» (*Navalnyy v. Russia*), жалобы №№ 29580/12 и 4 другие жалобы, пункты 114-15).

44. Суд сомневается в том, что инструкция муниципалитета для директоров школ могла дать милиции право прервать собрание в здании школы лишь на том основании, что власти не были уведомлены о нем как о «мероприятии». Более того, в настоящем деле такой аргумент даже не выдвигался.

45. Власти не утверждали, что вмешательство в право заявителей на свободу собраний было основано на положении законодательства, которое было доступным и предсказуемым в его применении. Следовательно, это вмешательство не было «предусмотрено законом», и этого факта достаточно для установления нарушения статьи 11. Этот вывод освобождает Суд от необходимости рассматривать вопрос о том, преследовало ли оно законную цель и было ли оно необходимым в демократическом обществе.

46. Придя к этому выводу, Суд не видит необходимости в рассмотрении вопроса о том, представляло ли административное судопроизводство в отношении заявителей нарушение статьи 11 Конвенции.

III. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

47. Европейский Суд рассмотрел другие жалобы, представленные заявителем. Тем не менее, принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы, а также в той мере, в которой эти жалобы подпадают под его компетенцию, Суд не усматривает признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции или Протоколах к ней. В данной части жалоба подлежит

отклонению как явно необоснованная в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

48. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

49. Заявители требовали следующие суммы в качестве компенсации материального ущерба, которые представляют собой суммы штрафов, наложенных на них в результате административного судопроизводства, в пересчете с российских рублей на евро: 15 евро первому заявителю; 29 евро второму заявителю; 43 евро третьему заявителю; и 29 евро четвертому заявителю. Они также требовали компенсации морального вреда в размере, установленном Судом.

50. Власти оспорили требования заявителей о справедливой компенсации как незаконные и необоснованные в связи с отсутствием связи между предполагаемым нарушением Конвенции и заявленным ущербом. Они утверждали, что признание факта нарушения, если он будет установлен Судом, будет являться достаточной справедливой компенсацией морального вреда.

51. Суд считает, что существует между установленным нарушением статьи 11 и штрафами, которые заявители заплатили после вынесения приговора за административные правонарушения, существует прямая причинная связь (аналогичную мотивировку см. в постановлении Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалоба № 57818/09 и 14 других жалоб, пункт 515). Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы, Суд считает целесообразным присудить заявителям указанные им суммы, плюс любой налог, которым могут облагаться данные суммы, в качестве компенсации материального ущерба.

52. Суд установил, что встреча заявителей была прервана в результате незаконного вмешательства государственных должностных лиц. При данных обстоятельствах Суд считает, что признание нарушения представляет собой достаточную справедливую компенсацию. Он присуждает каждому из заявителей по 7 500 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма.

Б. Расходы и издержки

53. Интересы четырех заявителей представляли юристы из неправительственной организации «Европейский центр защиты прав человека» и из Правозащитного центра «Мемориал». Общее требование возмещения расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства в Европейском Суде, составляет 3 000 евро и 3 542 фунта стерлингов (приблизительно 3900 евро). Заявители предоставили детализацию затрат и подтверждающие документы, включая квитанции, счета от переводчика и заявление об административных и почтовых расходах. Они попросили зачислить сумму компенсации непосредственно на банковский счет их представителя в Соединенном Королевстве.

54. Власти сочли эти требования чрезмерными и необоснованными. Они утверждали, что не было представлено никаких доказательств того, что эти суммы

фактически были затрачены.

55. Во-первых, Суд должен установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные представителями заявителя и, во-вторых, являлись ли они необходимыми (см. постановление Европейского Суда от 27 сентября 1995 года по делу «Макканн и другие против Соединенного Королевства» (*McCann and Others v. the United Kingdom*), пункт 220, серия А № 324, и постановление Европейского Суда по делу «Фадеева против России» (*Fadeyeva v. Russia*), жалоба № 55723/00, пункт 147, ECHR 2005-IV). Учитывая приведенные выше принципы, Суд присуждает заявителям 6 900 евро, плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма. Чистая сумма компенсации должна быть переведена на указанный заявителями банковский счет их представителя.

В. Процентная ставка при просрочке платежа

56. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *признал* жалобы на предполагаемое нарушение права заявителей на свободу собраний приемлемой, а остальную часть жалобы — неприемлемой;

2. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 11 Конвенции;

3. *Постановил*:

(а) что в течение трех месяцев Государство-ответчик должно выплатить указанные ниже суммы, переведенные в валюту Государства-ответчика по курсу на день выплаты, за исключением суммы возмещения расходов и издержек, которая подлежит выплате в евро:

(i) следующие суммы, плюс любой налог, которым могут облагаться эти суммы, в качестве компенсации материального ущерба:

- 15 (пятнадцать) евро первому заявителю;
- 29 (двадцать девять) евро второму заявителю;
- 43 (сорок три) евро правопреемнику третьего заявителя;
- 29 (двадцать девять) евро четвертому заявителю;

(ii) 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро каждому из заявителей и преемнику третьего заявителя, плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве компенсации морального вреда;

(iii) 6 900 (шесть тысяч девятьсот) евро, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве возмещения судебных расходов и издержек;

(б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной кредитной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки платежа, плюс три процента;

4. *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ДУБРОВИНА И ДРУГИЕ против РОССИИ»

Совершено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 25 февраля 2020 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Паулу Пинту де Альбукерке
Председатель